

6. *Yygotskij L. S.* Istoricheskiy smysl psihologicheskogo krizisa: Sobr. soch.: V 6 t. M.: Pedagogika, 1982. T. 1. S. 386–389.
7. *Mazilov V. A.* Metodologicheskie problemy psihologii v nachale XXI veka // Psihol. zhurn. 2006. № 1. S. 23–34
8. *Uznadze D. N.* Psihologija ustanovki. SPb.: Piter, 2001. 416 s.
9. *Shchedrovitskiy G. P.* Lektsii po psihologii chitaniye v Rostovskom universitete (fragmenty) // Voprosy samorazvitija cheloveka. Vyp. 3. K., 1991. S. 3–32.
10. *Jaroshevskij M. G.* Nauka o povedenii: Russkij put'. M.; Voronezh: Izd-vo Instituta prakticheskoy psihologii; MODEK, 1996. 380 s.

И.М. Богдановская

МИФЫ О РОССИИ: КОНСТРУКТИВНОЕ И ДЕСТРУКТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ НА СОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Статья выполнена в рамках исследования при поддержке фонда РГНФ
(проект № 09-03-00028a)

Представленные результаты основаны на междисциплинарном теоретическом анализе современной социальной мифологии и на обобщении результатов эмпирического исследования. Основные группы мифологизированных образов России в сознании современной молодежи включают: мифологизированные образы российского пространства, исторической перспективы России; символично-метафорические образы России; типы социально-мировоззренческих ориентаций молодежи. Выявленные аспекты конструктивного и деструктивного влияния мифов о России могут быть использованы для анализа и интерпретации групповых и индивидуальных образов России у молодых людей, а также при разработке рекомендаций по профилактике деструктивного воздействия мифологизации образа России на социальные процессы и сознание современной молодежи.

Ключевые слова: мифы о России, конструктивное и деструктивное влияние, образ России, социальная мифология, ценности, анти-ценности.

I. Bogdanovskaya

Myths About Russia: Constructive and Destructive Impacts on Consciousness of Modern Youth

The article gives an interdisciplinary theoretical analysis of modern social mythology and the generalization of the results of an empirical research. The basic groups of the mythologized images of Russia in the consciousness of modern youth include: the mythologized images of the Russian space; historical prospect of Russia; symbolic and metaphorical images of Russia; types of attitudes values and anti-values. The aspects of constructive and destructive influence of myths about Russia described in the paper can be used for an analysis and interpretation of individual and group images of Russia among young people, and for recommendations for preventing the destructive impact of mythologizing the image of Russia in the social processes and consciousness of the modern youth.

Keywords: myths about Russia, constructive and destructive impacts, image of Russia, social mythology, values, anti-values.

Образ России в качестве общекультурного и психологического феномена соединяет в себе понятийный и чувственный компоненты, приводит представления о России в некую упорядоченную целостность, воспринимается молодыми людьми как субъективно достоверное знание о стране, в которой они живут, определяет ценностные и поведенческие установки. Признание категориального статуса образа России поднимает вопрос о феноменах, благодаря которым содержание общественного сознания молодежи перерабатывается в единую целостную картину, делает это содержание осмысленным и смыслополагающим. Проведенный нами теоретический междисциплинарный анализ указывает, что в определенной степени изменения в сознании молодых людей, живущих в начале XXI века, связаны с процессами ремифологизации в современном обществе. Современная культурная ситуация не воспринимается молодыми людьми как единая и непротиворечивая. Ментальная специфика современной эпохи связана с плюрализмом и релятивностью взглядов, с формированием глобального в культурном отношении пространства, с лишением прежней системы ценностей однозначного прочтения [10]. С появлением нового восприятия социальной реальности как конгломерата разных систем с присущими им закономерностями функционирования у молодежи затрудняется процесс самоидентификации, который при контакте с «чужим» становится острым и зачастую приводит к когнитивному диссонансу, к противоречиям и конфликтам. В этот период масштабных кризисных явлений изменение, даже частичное, привычной картины мира ведет к более яркому выявлению ее мифологических оснований [4; 5; 8].

Мифологические компоненты субъективной картины мира делают из нее вполне устойчивую систему, в структуру которой может быть вписано разнообразное содержание.

Миф как особая форма познания, как синтез реального и воображаемого, индивидуального и общественного, теоретического и обыденного, чувственного и рационального, восстанавливает целостность мира и сознания. Такое понимание мифа позволяет поставить вопрос о его конструктивной роли в отношении субъективной картины мира и определяет направление исследований не только ее конкретного содержания, но и способа построения. Однако сложно утверждать неизменность основных черт мифологического восприятия мира на разных стадиях социально-исторической эволюции — удельный вес проявлений мифосознания меняется от универсально-общего состояния до периодически активизирующегося, периферийно присутствующего, но всегда воспроизводящегося [15]. В данном процессе объединяются мифотворчество и мифологизация, ему присущ не только спонтанный, бессознательный самопроизвольный характер, но и осознанный, когда миф генерируется целенаправленно. Речь идет о деструктивных аспектах влияния социальных мифов и использовании мифотворчества в качестве средства манипуляции сознанием молодежи. Использованию мифотворчества в качестве средства манипуляции сознанием способствуют такие факторы, как [2] большие объемы неконтролируемой информации в сетях Интернет; влияние массовой культуры на морально-нравственные ориентиры общественного сознания; увеличение роли экзогенных (международных) условий для намеренно создаваемых социальных мифов; появление нового пласта мифов, связанных с настоящим этапом социально-экономического реформирования России.

С учетом сказанного основная идея нашего исследования состояла в том, что мифы о России могут оказывать как конструктивное, так и деструктивное влияние на сознание современной молодежи. Конструктивное влияние мифов о России в большей степени отражает стремление к «снятию» глобальной оппозиции Хаоса и Космоса и

раскрывается в различных аспектах отношений молодого человека к России и к самому себе. Деструктивное влияние, на наш взгляд, проявляет себя в постепенном нарастании иррациональности и мифологичности сознания современной молодежи, наличием ситуаций, в которых социальный миф грозит разрушить базовые культурные архетипы российского общества.

Для изучения мифологизированного образа России в сознании современной молодежи нами был использован диагностический комплекс, включающий в себя опросные, стандартизированные и проективные методики: ассоциативный эксперимент на слово-стимул «Россия»; анкета для изучения этнических авто- и гетеростереотипов современной молодежи; список социально-мировоззренческих установок, базовых ценностей и анти-ценностей [1]; методика исследования жизненных стратегий, социальных установок и мотивов жителей РФ В. В. Петухова [1]. В исследовании приняли участие 127 юношей и девушек в возрасте от 18 до 28 лет.

Исследование образа России в целом позволило выявить различные группы мифов: мифы о власти, мифы о народе, мифы о геополитическом положении России, мифы о роли личности в истории страны [7].

Центральным компонентом мифов о России в сознании современной молодежи, составляющим сущность их формирования, трансляции и актуализации в социуме, выступает идентичность как осознание и переживание самотождественности Я и в то же время уподобления другим, чувство принадлежности к определенной этнической и социальной группе, к обществу в целом. Ведущую роль в процессах идентификации играют этнические авто- и гетеростереотипы современной российской молодежи, имеющие социально-когнитивную природу и выступающие в роли переходного звена между коллективным бессознательным и массовым сознанием [16]. В эту группу включаются мифы о специфике рос-

сийского менталитета, связанного с базовыми архетипами русского характера: мифообразы «народа-победителя», «много-страдального и терпеливого народа», «просвещенного народа». По результатам данной части исследования можно говорить о том, что молодые люди наиболее часто (33,82%) дают эмоционально негативные оценки образу России. Основное содержание оценок включает в себя разного рода жалобы и указания на низкий уровень жизни. В соответствии со сказанным на втором месте по популярности (20,58%) стоит амбивалентное отношение к России; на третьем — оценки, отражающие любовь к Родине (14,7%) и (14,7%), и представление о России как о великой стране. Следующими по выраженности выступают высказывания, противопоставляющие отношение к России как к стране, к родине и отношению к государству (7,35%), а также утверждения, подчеркивающие уникальность России, ее непохожесть на другие страны (7,35%).

Идентификационные механизмы воздействия образа России на сознание молодежи во многом определяются спецификой российской ментальности. По данным нашего исследования, молодые люди усваивают ее благодаря широко известным мифам о русской душе, уникальной и самобытной: «умом Россию не понять», об индивидуальном пути развития России, ее самобытности и оригинальности, об огромном культурном наследии, о российских просторах, об уникальной российской природе, о российском гостеприимстве, радушии, красоте российских женщин, мифам о Москве и Санкт-Петербурге. Здесь мы встречаемся с проявлением конструктивного влияния мифов о России, функцией которых является стремление внести в представления молодых людей черты идеала собственного этноса, подчеркнуть наиболее самобытные качества национального характера.

Деструктивное воздействие мифологизированных представлений о стране проявилось в исследовании особенностей отноше-

ния молодежи к государственному устройству. Оно показало, что современные молодые люди склонны активно поддерживать «черные политические мифы о России» [11]. В их число входят мифы о том, что Российское государство не способно решать задачи развития, управления громадной империей; мифы о грязи и пьянстве, «дураках и дорогах», бюрократизме, равнодушии к людям, угрюмости, низком уровне жизни.

Представление о характере российского народа является ключевым в мифе о России. В нем проявляется амбивалентность молодежной мифологии, которая приписывает русскому народу противоречивые характеристики. Так, открытость в общении, гостеприимность, доброта противопоставляются качествам, затрудняющим общение (конфликтность, недоверчивость, закрытость). Русскому человеку приписываются одновременно смекалка, ум и недостаток умственного развития или образования; качества, способствующие достижению цели, и лень. Для политического мифа о России важнейшим элементом является отношение народа и власти. Здесь российскому народу приписываются и патернализм и, одновременно, привычка постоянно ругать власть. Последнее место в списке представлений о характере россиянина занимает патриотизм. Обращает на себя внимание, что в сознании молодых людей типичный россиянин — русский. Вследствие многонационального состава Российской Федерации за этим мифом стоят как конструктивные, так и деструктивные механизмы влияния. Благодаря первым под «русским» понимается тот, кто живет в России, считает русский язык родным, является носителем русской культуры независимо от этнической принадлежности. При этом образ России воспринимается молодыми людьми более широко, скорее как цивилизационное, чем этническое понятие: русский — это представитель великой цивилизации, подобно тому, как американец любого происхождения — тоже не этническое понятие, а принадлежность к великой

стране. Деструктивные влияния связаны с тем, что в условиях кризисного общества кризис идентичности может быть преодолен, в том числе и в результате действия компенсаторных механизмов психики, куда включаются и архетипические структуры коллективного бессознательного. Данный процесс, подкрепляемый действием социально-экономических факторов, связан с постепенным нарастанием иррациональности и мифологичности сознания современной молодежи, возвращением к традиционному архаическому сознанию, хотя и в новых формах [17].

Архаическая основа создает условия для утверждения новых социокультурных механизмов поддержания групповой идентичности, которые также архаизированы и проявляются в том, что молодой человек начинает идентифицировать себя с группами, которые, с одной стороны, оказываются наиболее близкими по типу связи к образу общины (кровнородственной, соседской и др.). Этот образ базируется, в свою очередь, на архетипической структуре «мы — они» и является наиболее простым по признакам выделения. Прежде всего, — это группы так называемой «горизонтальной» стратификации: этнос, религиозная община или территориальное сообщество [12]. Известно, что практически любая этническая культура обладает определенным чувством опасности по отношению к окружающему миру. Однако конструктивные механизмы данного феномена, связанные с поддержанием этнической общности в состоянии мобилизованности и внутреннего напряжения, могут перерастать в защитные механизмы, неадекватно реагирующие при соприкосновении с иными этническими общностями. Данная ситуация усиливается в связи с миграционными процессами в российском обществе, с привлечением иностранных рабочих на рынки труда. В этой ситуации стереотипы массового сознания актуализируются как попытка защититься от потенциального источника угрозы традиционным этническим

ценностям. Так, по данным настоящего исследования, образ «чужих» строится в сознании молодежи по этнорелигиозному признаку и включает понятия: «еврей», «мусульманин», «китаец», «негр», «атеист».

По территориальному признаку 56% молодых людей называют в качестве страны, представляющей угрозу для России, Соединенные Штаты Америки. В качестве причин указывается агрессивный настрой США, стремление диктовать всему миру свое мнение, высокомерие, финансовое господство, а также недостаток воспитания и интеллектуального развития жителей страны. «Образ врага», приписываемый США современными молодыми людьми, с одной стороны, может транслироваться старшим поколением, а с другой — может являться следствием освещения политической ситуации средствами массовой информации. Противопоставление собственной страны крупному государству, имеющему влияние в мировом сообществе, исторически находящемуся в состоянии конкуренции с Россией, позволяет молодым людям формировать собственную гражданскую идентификацию как граждан сильной, большой, но не агрессивной страны. В 10% случаев в качестве страны, представляющей угрозу для России, указываются Китай и Украина. Китай вызывает беспокойство молодых людей своим стремительным развитием и высокой плотностью населения, которое стремится работать, а Украина вызывает недовольство в связи с политическим курсом правительства и стремлением получить выгоду из взаимодействия с Россией. В 7% угроза для России связывается с мусульманским миром, с частотой 6% называется Грузия. В качестве причин респонденты указывают военную угрозу, внутригосударственные и межнациональные проблемы. Последствия военного конфликта формируют у молодых людей вполне определенное отношение к Грузии как к стране, которая угрожает их личной безопасности. С одинаковой частотой 3% упоминается Чечня и европейские

страны. Интересно, что Чечня некоторыми респондентами воспринимается как отдельная страна, а не часть Российской Федерации, негативное отношение, как правило, связано с военными действиями. В 2% случаев это Израиль, который также ассоциируется с военными действиями. Среди ответов участников исследования представлено мнение о том, что «мы сами являемся для себя угрозой» (2%). Причиной данного высказывания, в основном, является отношение к природным ресурсам, которое может привести к нарушению экологического равновесия.

Результаты следующего этапа исследования связаны с идеями современной этнопсихологии о «русском сценарии», который разыгрывается народом в его истории [9]. По мнению С. В. Лурье, народ остается собой благодаря неизменным элементам, «которые скрепляют любую русскую картину мира в любой ее конфигурации» [9]. Повидимому, в роли таких элементов могут рассматриваться мифологизированные образы исторической перспективы и российского пространства в сознании молодежи.

Мифологизированные образы российской истории и российского пространства в качестве этнических констант генерального культурного сценария России содержат возможности объяснения причинности и прогнозирования дальнейшего развития субъектов, объектов, явлений, процессов, составляющих содержательную область мифа. Пространственно-временной континуум социального мифа о России оказывает влияние на формирование всех сценариев разных уровней, существующих в данной культуре, задавая определенный алгоритм действия во множестве ситуаций. Так, по мнению Е. М. Щепановской [20, с. 58–64] и др., пространственно-территориальные особенности образа России обнаруживают постоянную актуализацию базовых архетипов.

Первый — архетип изначального творения («сотворение из ничего»), в котором подчеркивается его свобода и стихийность.

Преломляясь в культурном своеобразии России, данный архетип связан с мифообразами пространства и простора, безграничности и близости природным стихиям, в представлениях об огромной территории страны, о которых мы говорили выше. Конструктивное действие данных мифов связано с идеями космизма, порождающими в менталитете россиян чувство безграничности и свободы, не связанное рамками цивилизации.

Деструктивное действие данного архетипа, по Н. Бердяеву [3, с. 14], О. Шпенглеру [19, с. 345–388], связано со стихийной неорганизованностью жизни, со стремлением «вширь и вдаль», с освоением новых, зачастую мало пригодных для жилья территорий, со стремлением в историческом контексте к «полному освобождению» пространства для создания принципиально иной модели жизни [20, с. 58–64].

Это эпизоды российской истории, связанные с практически бесследным уничтожением язычества с приходом христианства; с разрушением церквей во времена социализма или перечеркиванием достижений социализма во времена «перестройки». Полная реализация этого негативного сценария связана с разрушением в сознании молодежи исторической памяти, традиций и преемственности поколений: «Опыт времен для нас не существует... Мы так удивительно шествуем во времени, что по мере движения вперед пережитое пропадает для нас безвозвратно» [18, с. 324–326].

Как отмечает Е. М. Щепановская, «русский менталитет, в отличие от западного, допускает резкость перемен, которую в мифологии иллюстрирует разрушительность, соотносимая с образами урагана и вихря, анархии и непредсказуемости небесных стихий, присущая стихийному творчеству небесного демиурга» [20, с. 58–64].

С точки зрения исследовательницы, архетипический образ Неба-творца характеризует свобода без ограничений, как важное

понятие менталитета России. Здесь она обращается к мнению А. Вежбицкой, которая отмечает, что в русском языке слово «свобода» предполагает свободу во внутреннем отношении, освобождение от давления и полный простор. Этот семантический компонент не характерен для западноевропейских языков, где свобода мыслится, прежде всего, как свобода в правовом отношении (или «свобода от») [22, с. 142–143].

Такое понятие свободы, а также идея свободы как источника не только добра, но и зла, характерно для русской философии и отражает суть мифологического архетипа небесного демиурга, стоящего над добром и злом. Образ света, хранящего Землю мыслью и словом, отражается в универсализме мышления и мировом охвате проблем, в постоянной потребности в новом. Конструктивность данного мифа проявляется в высокой способности русского человека к усвоению и воплощению новых идей. Деструктивность мифа связывается с расширением национального сознания до общемирового, когда собственно национальное оказывается не столь важным, как более мелкое, по отношению к объединяющей идее [20, с. 58–64].

С другой стороны, восприятие универсализма (объективности) идей дает возможность возвращать их на своей почве, что позволяет, наряду с интересом к духовному, проверять идеи на практике и добиваться высоких успехов в естественных науках даже в периоды выраженного идеологического консерватизма. Развитие идей универсализма трансформируется в представления о любви и дружбе, о бескорыстной помощи и духовном единении, о православной идее соборности.

Приведенные особенности мифологизированных представлений о пространственно-территориальных аспектах образа России указывают, что для современного молодого человека информационной эпохи представления о пространстве, образ географиче-

ческой реальности, в которой он живет, имеют огромное значение. М. В. Осорина [14] подчеркивает, что для того чтобы научиться жить и успешно адаптироваться в мире, человеку необходимо осознать многомерную вселенную как умопостигаемое целое, по отношению к которому он будет самоопределяться, искать в нем свое место и прокладывать свои пути. Это обеспечивает наличие важнейших пространственных и смысловых ориентиров, обобщающей схемы мироздания и представления о собственном месте в ней. Любая человеческая культура обязательно несет в себе модель мира, созданную данной этнокультурной общностью людей. Эта модель мира воплощена в мифах, отражена в религиозных верованиях, воспроизводится в обрядах и ритуалах, закреплена в языке, материализована в планировке человеческих поселений и организации внутреннего пространства жилищ. Каждое новое поколение получает в наследство определенную модель мироздания, которая служит опорой для построения индивидуальной картины мира каждого отдельного человека и одновременно объединяет этих людей как культурную общность. Так, мифологизированные образы российского пространства в сознании молодежи представлены тремя его основными типами: образ «Центра», «локальный», или «региональный», образ, «индивидуальная мифогеография».

Образ «Центра» репрезентирует пространство России как «сжимающееся» до центральных городов России, мегаполисов, в основном Москвы и Санкт-Петербурга, либо как концентрирующееся вокруг них. «Локальный», или «региональный», образ представляет пространство России как «малую Родину», при этом оно «сужается», ограничено каким-либо конкретным регионом, в котором проживает субъект. «Индивидуальная мифогеография» — это скорее «недифференцированный» образ, носящий черты архаического мифологизированного пространства, состоящий из ряда дискрет-

ных объектов, объединенных между собой не по местоположению или удаленности-близости, а по субъективно-смысловым связям, меняющим свои размеры и протяженность в зависимости от их значимости для субъекта. В целом образ географического пространства России у современной молодежи отличается слабой дифференцированностью и высокой субъективностью. Пространственная модель России у современных молодых людей носит черты архаических представлений о пространстве — об этом свидетельствует высокая субъективная значимость центра. Пространственные представления о России концентрируются вокруг трех основных центров — Москвы, Санкт-Петербурга и индивидуально-значимых мест. Также наблюдается влияние «советской пространственной модели», для которой характерно подчеркивание значимости и ценности места через преувеличение его размера. По М. В. Осориной [14], данный феномен может быть обозначен как «субъективная пульсация пространства», действие которого связано с произвольным изменением системы пространственных координат, через которую осмысливаются воспринимаемые объекты. Как отмечает исследовательница, психологический механизм данного феномена может быть описан следующим образом. Наблюдатель, воспринимающий тот или иной объект, изменяет его пространственно-символические характеристики в зависимости от личностного смысла этого объекта. Иными словами, он пытается, подобно ребенку, «внутри чего-то большого увидеть нечто малое, а потом через это малое, как через волшебное окно, заглянуть в еще один внутренний мир, который увеличивается на глазах, стоит сосредоточить на нем свое внимание» (Цит. по [13, с. 170]).

Архетипическая основа мифологизированных образов ярких исторических личностей в истории России связана, по Е. М. Щепановской [20, с. 58–64], с архетипом непобедимого воителя и пастуха/пастыря,

который рисует образ выхода на новый путь.

Этот архетип лежит в основе мифологизированных представлений об исторических изменениях, ассоциируется с яркими историческими эпизодами и личностями предводителей, характеризующихся беззаветной храбростью и волей к победе. В связи с этим молодые люди наиболее часто указывают в качестве ключевого события российской истории Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. и Отечественную войну 1812 года. Выбор этих событий в качестве наиболее важных может свидетельствовать о высокой значимости для молодежи единения народа и его способности противостоять агрессии со стороны другого государства. Важно, что события войны 1941–1945 годов отражаются не только в историческом культурном, но и в семейном контексте, поскольку свидетели и участники данных событий могли передавать свои впечатления о них лично. Такая же ситуация характерна и для событий «перестройка» и «развал СССР». И если сами молодые люди не могли в полной мере быть участниками тех событий, то их родители и другие старшие члены семьи могли передавать им свое эмоциональное отношение к происходящему. Таким образом, данные события вплелись не только в историю страны, но и в семейную и личную историю. Другие события, наиболее часто указываемые молодыми людьми, отражают ключевые вехи в истории России и касаются определения ключевых параметров российского мировоззрения — крещение Руси в области религиозного самоопределения, период правления Петра I в области геополитического самоопределения, революция в области гражданского самоопределения. Сам выбор событий в качестве значимых в истории страны характеризует интерес молодых людей, в первую очередь, к кризисным, сложным периодам в истории страны (чаще всего назывались военные конфликты различного рода, как внешние, так и внутренние конфронтации).

Данные результаты подчеркивают амбивалентность исторических мифов о России, которые в равной степени подчеркивают важность двух взаимоисключающих типов событий: консолидирующих и сегрегирующих российское общество в различные периоды его исторического развития.

Современные мифы о России связываются у современной молодежи с ориентацией на историческую личность, которая в силу своей харизматичности может изменить курс развития государства, повлиять на общественные настроения, осуществить коренные преобразования в жизни общества. К таким мифологизированным образам относятся: Петр I, В. И. Ульянов-Ленин, И. В. Джугашвили-Сталин, Иван Грозный, Екатерина II, Александр II, В. В. Путин. Как видно из приведенных данных, наиболее часто молодые люди указывают тех, кто стоял во главе государства в период радикальных изменений социально-политического устройства страны и социокультурных условий жизни народа. Некоторые из этих деятелей характеризуются отрицательным отношением (Ленин, Сталин, Горбачев, Ельцин), но все они объединяются идеей вывести Россию на другую, принципиально новую позицию страны в мире. Во времена правления этих политиков российское общество претерпевало множественные трансформации, менялись общественно значимые ценности, в некоторых случаях укреплялась территориальная целостность страны, расширялись ее границы. Такие периоды можно назвать «временами великих потрясений» для российского общества, когда особенно остро вставали вопросы выбора гражданской и личностной позиции, принятия или отвержения нового порядка.

Возможно, когнитивные механизмы воздействия данных мифов на сознание молодежи, связанное с именами этих лидеров страны, связаны с их потребностью в «сильном» лидере, способном четко определить современное состояние России. Так, молодые люди дают положительную оценку

действий правителей страны, связанных со становлением Российской империи и с достижением ею определенной экономической и политической стабильности. Основные политические решения и Петра I, и Екатерины II, и Александра II были связаны с реформированием российского общества во многих направлениях (крестьянские реформы, реформы образования, военные реформы и т. д.). С их именами связаны успешные военные кампании, результатом которых становится расширение границ российского государства, укрепление связей с европейскими государствами, определенные шаги по интеграции России в мировое пространство. Интересно, что и действия В. В. Путина вызывают сходную положительную оценку. Возможно, молодые люди воспринимают его политическую позицию также как направленную и на возвращение прежнего (возможно, понимаемого как имперского) статуса России в мире, и на ее интеграцию в мировое сообщество, что импонирует ориентациям современной молодежи. Такие ориентации могут проявляться в достаточно противоречивой позиции: с одной стороны, желание быть гражданином «сверхдержавы», выступающей в мировом пространстве с позиции силы, с другой стороны, — ориентация на сотрудничество и добрососедские отношения с другими странами.

Конструктивные механизмы воздействия данных мифов на сознание молодежи связываются с моделированием российского пространства, с оформлением его границ, наделением системой смыслов. В то же время в них отражены механизмы, отражающие действенность мифа, его использование в жизнедеятельности, влиянии на поведение человека, которое локализуется в определенном пространстве.

Еще один базовый архетип в образе России соотносится с образом изначального истока как первичного нерасчлененного Хаоса, а также подводного мира и реальности глубин души [20, с. 58–64; 21,

с. 337–391], который связывает русский универализм и миролюбие с активным личностным началом и воинственностью. Действительно, знаковые события российской истории, включенные в коллективную память российского общества, включают в себя событийный план этого сценария (татаро-монгольское иго, Отечественная война 1812 года, Великая Отечественная война).

Другими элементами российского этнокультурного сценария выступают устойчивые образы и символы социального мифа, а также установки и ценностные ориентации, опосредующие мифообразы России [6].

Образно-символические составляющие социального мифа воплощают в знаковых формах систему многозначных смыслов социального мира, которая транслируется в разнообразных социальных коммуникациях, интериоризируется сознанием, служит для структурирования и объяснения сложной социальной действительности современности.

Интересным в этом плане является распределение молодыми людьми образов сказочных героев по отношению к российским политическим и общественным деятелям. Так, наиболее часто указывались сказочные герои отрицательного плана (Карабас-Барабас, Кощей Бессмертный, Баба-Яга, Волк, Медведь). На втором месте — бесхитростные и наивные персонажи (Винни-Пух, Чебурашка, Буратино, Иван-Дурак, эльф Добби). Третью группу составили социально хитрые герои (Лиса, Кот-сапогах).

Таким образом, выбор сказочных персонажей проявил три глубинных аспекта образа политического лидера России. Первый из них касается «жесткой руки», непобедимой, всесильной власти, с которой невозможно сотрудничать, которую нельзя преодолеть и остается только подчиниться в ожидании волшебной силы, способствующей избавлению от гнета. Механизм воздействия такого образа российской власти на сознание молодого человека связан с га-

рантированной переадресацией ответственности за собственные политические выборы и решения.

Второй составляющей образа политического лидера выступает вера в искренность, честность, доброту, социальную бесхитрость и нравственную чистоту людей, находящихся у власти. Механизм воздействия этих мифологизированных образов связан, по-видимому, с тем, что эти черты ассоциируются с особенностями русского менталитета. Уязвимость такой власти связана с ее доверчивостью и наивностью, не позволяющей вовремя распознать врага, нечестного и нечистого на руку человека. Такая власть наиболее близка к народу, она сама зависима и является объектом манипуляции третьих лиц.

И, наконец, третью политическую силу можно определить как отражение идей макиавеллизма, где политик обладает целым набором инструментов политической борьбы, не гнушаясь такими, как вероломство, коварство, жестокость, обман политического противника. Такая власть никогда не бывает искренней, она манипулятивна и достаточно трудно понять ее истинные цели и намерения.

Механизмами воздействия этих мифов-«пугал» является апелляция к негативному историческому и актуальному социальному опыту, актуализирующая неконструктивные установки молодых людей по отношению к политическим и общественным деятелям России. Конструктивное влияние этих мифов связано с повышением социальной бдительности, критичности, чувствительности молодых людей к политическим манипуляциям.

Исследование ценностных механизмов воздействия мифологизированных образов России показало, что молодежь идентифицируется с образом России в основном по неприятию анти-ценностей. В личном плане это — наркомания и алкоголизм, болезни, война. Для образа России — война, беззаконие, безработица. Неприемлемость для

молодежи анти-ценностей (непрофессионализм, разврат, черствость, обман, месть) полностью совпадает с анти-ценностями по отношению к образу России. Просоциальные ценности и связанные с ними общественно-значимые мотивы отличаются меньшей согласованностью оценок, идентификация с образом России идет по ценностному вектору: безопасность, достаток, внимание к людям, образование, вера, независимость. При этом безопасность, внимание к людям и независимость видятся более значимыми для образа России, достаток, образование и вера — наделяются большей индивидуальной значимостью.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что деструктивное влияние мифов о России связано с тем, что проблемы и недостатки современного социума осознаются молодежью значительно глубже, чем его должное состояние. По-видимому, данная ситуация связана с такой особенностью российского общества, как отсутствие в нем целостной объяснительно-прогностической теории, опираясь на которую молодежь могла бы получить ответ о сущности социально-исторических изменений в России, получить объяснение собственных социальных проблем.

Базовыми типами мировоззренческих установок и ценностных ориентаций в картине мира молодежи выступают «космополитическая» и «патриотическая» мировоззренческие позиции, опосредующие соответствующие мифообразы России. Так, «патриотический» миф включает в себя мифологемы идентичности, патернализма, экологизма и русской культуры, связан с ощущением себя частью национального целого, с проявлением интереса к вечным российским ценностям и культурным традициям. «Космополитический» миф содержит глобальный символ «Земля» (Планета), мифологемы семьи, полноты жизни, предполагает отрицание патриотических, консервативных ценностей, и стремление к не-

посредственности, спонтанности мировосприятия.

Своего рода «переходными формами», включающими в себя различные сочетания компонентов «патриотического» и «космополитического» мифов, выступают следующие типы социально-мировоззренческих ориентаций: 1. Ориентации на личные цели и ценности, преобладание индивидуальных интересов над социальными; 2. Вера в позитивное будущее России, связываемая с вхождением России в западное пространство; 3. Ориентации на мобилизацию, идею об «особом пути» России, готовность самостоятельно реализовать собственные интересы и интересы страны, создание равных экономических возможностей по доступу к материальным благам общества.

4. Ориентации на традицию и прошлое, сильную власть, государственный контроль, веру и религиозную мораль; 5. Ориентации

на либеральные ценности, отражающие значимость свободы слова и политического выбора, невмешательства государства в частную жизнь, равноправия.

Полученные результаты указывают на то, что представление о России у современной молодежи в основном имеет мозаичный, дискретный характер, может включать в себя множество разнообразных мифообразов, которые соотносятся с различными содержательными категориями и типами, зачастую не имеют «сквозного» смыслового содержания. Рассмотренные нами аспекты конструктивного и деструктивного влияния мифов о России могут быть использованы как для анализа и интерпретации групповых и индивидуальных образов России у молодых людей, так и в разработке рекомендаций по профилактике деструктивного воздействия мифологизации образа России на социальные процессы и сознание современной молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы: Монография. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.
2. *Баландина Е. А.* Социальное мифотворчество в качестве средства манипуляции сознанием: Дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2006. 186 с.
3. *Бердяев Н.* Смысл истории. М., 1990. С. 14.
4. *Богдановская И. М.* Психологические механизмы трансформаций традиционных мифологем в образе России современной молодежи // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. № 142. С. 15–27.
5. *Богдановская И. М.* Современные социальные мифы в сознании студенческой молодежи // Вестник гражданских инженеров. 2012. № 3 (32). С. 418–423.
6. *Богдановская И. М., Ульяновский А. В., Королева Н. Н., Проект Ю. Л.* Типология образов вымышленных существ как аксиологических маркеров социального мифа в сознании молодежи // Психологические основы педагогической деятельности: Сборник научных трудов / Под ред. А. Н. Николаева. СПб.: НГУ, Вып. 13. Ч. 1. 2009.
7. *Гончаров С. А., Гончарова О. М., Королева Н. Н., Богдановская И. М., Кошелева А. Н., Проект Ю. Л.* Структура и функции социального мифа о России в картине мира современной молодежи // Вестник гражданских инженеров. СПб., 2012. № 3 (32). С. 424–431.
8. *Королева Н. Н., Манеров В. Х., Богдановская И. М., Кошелева А. Н., Проект Ю. Л.* Роль социальных мифов в картине мира молодежи // Вестник СПбГУ. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика, Санкт-Петербург. Вып. 3. СПб., 2010. С. 122–127.
9. *Лурье С. В.* В поисках русского национального характера // Отечественные записки. 2002. № 3(4) // Электронное издание — <http://www.strana-oz.ru/2002/3/v-poiskah-russkogo-nacionalnogo-haraktera>. Дата обращения: 10.02.2013.
10. *Маслова С. В.* Мифоразрушительная и мифосозидательная тенденции в современной культуре: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2007. 20 с.

11. *Мединский В.* Мифы о России. О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: Олма Медиа Групп, 2008. 560 с.
12. *Нечаев В. Д.* Региональный миф в политической культуре современной России: Дис. ... канд. политол. наук. М., 1998. 261 с.
13. Образ России во временной перспективе: Коллективная монография / Под ред. С. А. Гончарова СПб.: Из-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. 428 с.
14. *Осорина М. В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Речь, 2004. 142 с.
15. Российское общество между мифом и религией. Историко-социологический очерк. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 228 с.
16. *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 386 с.
17. *Строев С.* К вопросу о цивилизационном кризисе — <http://antiglob.narod.ru/st/stroev.htm> — Дата обращения: 16.02.2013.
18. *Чаадаев П. Я.* Полн. собр. соч. и избр. письма. М., 1991. Т. 1. С. 324–326.
19. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993. Т. 1. С. 345–388.
20. *Щепановская Е. М.* Архетипы России // Методология и методы исторической психологии: Материалы XXVI Междунар. научн. конференции 14–15 дек. 2009. СПб., 2009. С. 58–64.
21. *Wertsch J. V., Karumidze Z.* Spinning the past: Russian and Georgian accounts of the war of August 2008, *Memory Studies*. 2009, 2(3). P. 337–391.
22. *Wierzbicka A.* Understanding Cultures through Their Key Words. New York, 1997. S. 142–143.

REFERENCES

1. Bazovye tsennosti rossijan: Sotsial'nye ustanovki. Zhiznennye strategii. Simvoly. Mify: Monografija. M.: Dom intellektual'noj knigi, 2003. 448 s.
2. *Balandina E. A.* Sotsial'noe mifotvorchestvo v kachestve sredstva manipuljacii soznaniem: Dis. ... kand. filos. nauk. Barnaul, 2006. 186 s.
3. *Berdjaev N.* Smysl istorii. M., 1990. S. 14.
4. *Bogdanovskaja I. M.* Psihologicheskie mehanizmy transformatsij traditsionnyh mifologem v obraze Rossii sovremennoj molodezhi // *Izvestija RGPU im. A. I. Gertsena*. SPb., 2011. № 142. S. 15–27.
5. *Bogdanovskaja I. M.* Sovremennye soeblial'nye mify v soznanii studencheskoj molodezhi // *Vestnik grazhdanskih inzhenerov*. SPb., 2012. № 3 (32). S. 418–423.
6. *Bogdanovskaja I. M., Ul'janovskij A. V., Koroleva N. N., Proekt Ju. L.* Tipologija obrazov vymyshlennyh sushchestv kak aksiologicheskikh markerov social'nogo mifa v soznanii molodezhi // *Psihologicheskie osnovy pedagogicheskoy dejatel'nosti: sbornik nauchnyh trudov/ Pod red. A. N. Nikolaeva*. SPb.: NGU, Vyp. 13. Ch. 1. 2009.
7. *Goncharov S. A., Goncharova O. M., Koroleva N. N., Bogdanovskaja I. M., Kosheleva A. N., Proekt Ju. L.* Struktura i funktsii sotsial'nogo mifa o Rossii v kartine mira sovremennoj molodezhi // *Vestnik grazhdanskih inzhenerov*. SPb., 2012. № 3 (32). S. 424–431.
8. *Koroleva N. N., Manerov V. H., Bogdanovskaja I. M., Kosheleva A. N., Proekt Ju. L.* Rol' sotsial'nyh mifov v kartine mira molodezhi // *Vestnik SPbGU. Serija 12: Psihologija. Sotsiologija. Pedagogika*, Sankt-Peterburg. Vyp.3. SPb., 2010. С. 122–127.
9. *Lur'e S. V.* V poiskah russkogo nacional'nogo haraktera // *Otechestvennye zapiski*. № 3(4), 2002// *Elektronnoe izdanie* —<http://www.strana-oz.ru/2002/3/v-poiskah-russkogo-nacionalnogo-haraktera> — Дата obrashchenija: 10.02.2013.
10. *Maslova S. V.* Miforazrushitel'naja i mifosozidatel'naja tendentsii v sovremennoj kul'ture: Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Tomsk, 2007. 20 s.
11. *Medinskij V.* Mify o Rossii. O russkom p'janstve, leni i zhestokosti. M.: Olma Media Grupp, 2008. 560 s.
12. *Nechaev V. D.* Regional'nyj mif v politicheskoy kul'ture sovremennoj Rossii: Dis. ... kand. politol. nauk. M., 1998. 261 s.
13. Образ России во временной перспективе: Коллективная монография / Под ред. S.A. Goncharova SPb.: Из-во RGPU им. А. И. Герцена, 2012. 428 с.
14. *Осорина М. В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Речь, 2004. 142 с.

15. Rossijskoe obshchestvo mezhdru mifom i religiej. Istoriko-sociologicheskij ocherk. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2006. 228 s.
16. Soldatova G. U. Psihologija mezhetnicheskoj naprjazhennosti. M.: Smysl, 1998. 386 s.
17. Stroev S. K voprosu o tsivilizatsionnom krizise. — <http://anti-glob.narod.ru/st/stroev.htm> — Data obrashchenija: 16.02.2013.
18. Chaadaev P. Ja. Poln. sobr. soch. i izbr. pis'ma. M., 1991. T. 1. S. 324–326.
19. Shpengler O. Zakat Evropy. Oчерki morfologii mirovoj istorii. M., 1993. T. 1. S. 345–388.
20. Shchepanovskaja E. M. Arhetipy Rossii // Metodologija i metody istoricheskoj psihologii: Materialy XXVI Mezhdunar. nauchn. konferentsii 14–15 dek. 2009. SPb., 2009. S. 58–64.
21. Wertsch J. V., Karumidze Z. Spinning the past: Russian and Georgian accounts of the war of August 2008, Memory Studies. 2009 2(3). P. 337–391.
22. Wierzbicka A. Understanding Cultures through Their Key Words. New York, 1997. S. 142–143.

Л. А. Гаязова

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ШКОЛЫ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

(Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №12-06-00692).

В работе рассматривается проблема участия общественности, рассматриваемой как группы людей, взаимосвязанной с деятельностью системы образования, в обеспечении безопасности образовательной среды школы. На основе теоретического анализа работ выявлено, что участие общества в оценке качества образования и состояния отдельных характеристик образовательной среды школы является неотъемлемой составляющей модернизации системы образования и реализации инновационных процессов в современной школе. На основе анализа исследований в области оценки качества образования, общественно-профессиональной экспертизы и мониторинговых исследований в образовании, выявлено, что общественная экспертиза и мониторинг состояния безопасности образовательной среды школы могут выступать механизмом повышения эффективности деятельности по обеспечению безопасности субъектов образования.

Ключевые слова: образование, безопасность, образовательная среда школы, гуманитарная экспертиза, общественная экспертиза, мониторинг в образовании, общественная оценка, качество образовательных услуг.

L. Gayazova

Public Assessment of School Educational Environment Safety as a Social and psychological Problem

This paper deals with the problem of public participation in its relation to the education system ensuring the safety of the educational environment of the school. Based on the theoretical analysis it is claimed that public participation in the evaluation of the quality of education and the state of the individual characteristics of the educational environment of the school is an integral part of the modernization of the education system and the implementation of innovative processes in the modern school. Based on an analysis of studies in the field of assessment of quality of education, social and professional expertise, and monitoring in education, it is argued public examination and monitoring of the safety of the educational environment of school